
Филология в лицах

Дарья МОСКОВСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ XX ВЕКА

*«Литературное наследство» как академическая школа**

Аннотация. Статья посвящена обзору содержания редакционного архива академической серии «Литературное наследство», находящегося в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. По архивным материалам — внутренней переписке, отзывам и рецензиям, по расшифровкам устных воспоминаний организаторов научной серии восстанавливается история создания и развития «Литературного наследства» как академической школы научной археографии. Предметом рассмотрения становится история редакции в условиях меняющейся конъюнктуры литературной политики 1930—1970-х годов.

Ключевые слова: И. Зильберштейн, С. Макашин, «Литературное наследство», история литературоведения 1930—1970-х годов, литературная политика, научная эдичия, исторический факт, архив, цензура.

Дарья Сергеевна МОСКОВСКАЯ, литературовед, доктор филологических наук, заведующая отделом рукописей ИМЛИ РАН. Сфера научных интересов — источниковедение и археография русской литературы XX века, поэтика русского авангарда и поставангарда, история отечественного литературоведения, идеологические контексты литературного процесса 1920—1930-х годов, архивное дело, библиотековедение, музееведение. Автор монографии «Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы» (2010), а также многочисленных статей по указанной проблематике. Email: darya-mos@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ; проект № 15-04-00297а «“Литературное наследство”: научная школа и академическая серия в истории отечественного литературоведения 1930—1980-х гг.».

Предлагаемая вниманию читателей статья — фрагмент из истории «Литературного наследства», подсказанный обработкой его редакционного архива¹. Составивший при передаче в Отдел рукописей ИМЛИ РАН 37 метров архивной россыпи, он сформировал фонд № 575. По своему составу это «корзина для бумаг» с «отходами лаборатории» подготовки очередного тома. Среди попавших сюда разрозненных машинописей, рукописей, писем, хронологические рамки которых ограничены периодом 1960—1980-х годов, встречаются уникальные документы, характеризующие умонастроения эпохи и состояние академической науки позднего советского периода.

Но прежде — немного о том, с чего все начиналось.

«...и тут не только молодость, тут одержимость...»

Моментом рождения в СССР новой институции науки и культуры «Литературного наследства» («ЛН») стал август 1931 года, когда Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) принял решение об издании нового историко-литературного и археографического журнала. Свидетельством о рождении явились вышедшие под грифом РАПП и Комакадемии в 1931—1932 годах в «Журнально-газетном объединении» первые его номера.

Дедом новорожденного был редактор историко-археографического журнала «Былое» (1906—1907, 1917—1926), по которому «широкие слои населения впервые узнавали правду о царских тюрьмах» [И. З.: 14], — П. Щеголев. Отцом — «богатый на всякого рода инициативы» [Отдел устной... № 871] Илья Самойлович Зильберштейн (1905—1988).

¹ Благодарю М. Фролова за тексты выявленной А. Галушкиным и К. Азадовским в СПбФ АРАН стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР от 29 июня 1949 года и расшифровки бесед И. Зильберштейна и С. Макашина, предоставленные в его распоряжение заведующим Отделом устной истории НБ МГУ Д. Споровым.

«Кто такой Илья Зильберштейн?» — на вопрос приемной комиссии Московской писательской организации ответил Сергей Александрович Макашин, более чем столетия составлявший с Зильберштейном редакционный дуэт «ЛН»:

Это, прежде всего, талантливый человек, оригинальный и яркий характер. Определяющие черты его личности — огромная, не иссякающая с годами энергия и предельная целеустремленность в ее использовании, беспредельный энтузиазм. Когда люди, не знающие или плохо знающие Зильберштейна, спрашивают меня о нем, я отвечаю так: это человек, способный (разумеется, в пределах объективных реальностей) достигнуть любой цели, которой он страстно захотел достигнуть <...> Он работает в разделе литературоведения, который можно назвать документальным литературоведением или источниковедением. Его пафос, его стихия — поиск новых источников для творческих биографий писателей и художников и обработка их. В этой области он действительно маг и волшебник. У него какой-то нюх на документы, и он действительно накопил для советского литературоведения обширное количество документов, не только накопил, он их исследователски обработал и опубликовал.

Какие, с моей точки зрения, основные заслуги Зильберштейна? <...> Главная его заслуга заключается в том, что он был инициатором «Литературного наследства» [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 88].

Двадцатишестилетний Зильберштейн задумал и набросал проспект нового журнала архивных публикаций в 1931-м, в переходный третий год сталинской пятилетки, который в докладе секретно-политического отдела ОГПУ характеризовался как год «разгрома контрреволюционных организаций интеллигенции», в том числе «в издательском деле СССР» [*Власть...* 160].

Зильберштейн был убежден, что потребность в архивных разысканиях не покрывают давно специализировавшиеся в этой области «Красный Архив», «Каторга и ссылка», «Минувшее», подвизавшиеся на поле публикации документальных материалов «Пролетарская революция»,

«Звезда», «Новый мир» и издательство «Academia». Он полагал, что важнейший участок архивно-поисковой работы все еще не освоен: это громадное число государственных и частных литературных архивов, доступ к которым открыла революция, с ценнейшими творениями писателей и публицистов, с личными документами и перепиской большого культурно-исторического значения. Он знал, что большинство этих фондов не только не разработано, но и неизвестно. Он утверждал, что публикуемое из фондов Централархива, Пушкинского Дома, Исторического музея, рукописных отделений Всесоюзной Ленинской библиотеки, Ленинградской публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук СССР, Института Ленина, Института Маркса и Энгельса, Бахрушинского музея, Музея Л. Н. Толстого и проч. не отвечает требованиям научной эдиции, и полагал, что способен изменить положение.

Момент для старта нового археографического журнала, на первый взгляд, был выбран крайне неудачно. Ленинская программа сохранения и приумножения культурного прошлого ушла вместе с нэпом, ее сменила установка реконструктивного периода на сугубо прикладной характер искусства как развлечения для трудящихся масс и источник вдохновения в социалистическом строительстве. Характер перемен отразила смена руководства Наркомпроса: место либерала-интеллигента А. Луначарского в 1929 году занял пропагандист и комиссар, начальник Политуправления Красной армии А. Бубнов. Смену социально-антропологической парадигмы в разгар первой пятилетки филигранно определил В. Шкловский в своем выступлении 14 сентября 1931 года на Дискуссии ВССП о творческом методе: «Вся эта старая литература, на которую мы ссылаемся, ее не было, это сейчас пустое место. Ударник в литературе — это не смена литературы и не резерв литераторов, а другой тип человека» [ОР ИМЛИ. Ф. 157... Л. 16]. В стране развернулось «шахтинское дело» научной интеллигенции, и в эпицентре направленного взрыва оказалась сфера гуманитарных наук, ученые-архивисты, историки дореволюционной формовки.

Обнаружение в 1929 году в фондах Пушкинского Дома и Археографической комиссии незарегистрированных исторических документов царского периода [*Летопись...* 685]

было воспринято ЦК как предательство идей социализма со стороны ведущих членов Академии наук, в 1931-м подвергшихся как враги народа репрессиям — расстрелам и ссылкам. В том же 1931 году дала о себе знать политическая порочность неконтролируемой архивно-разыскательской деятельности. Опасность обнаруживалась буквально на каждом шагу документальных разысканий, например в ходе реализации горьковского научно-популярного проекта «Истории фабрик и заводов» (поддержан постановлением ЦК ВКП(б) 10 октября 1931 года), одного из тех, с которыми писатель вернулся из эмиграции в СССР. Заводские старожилы были воодушевлены возможностью всколыхнуть прошлое. На собраниях звучал призыв «создать такую историю, в которой не было бы исторического вымысла, которая была бы исторической правдой» [ГА РФ. Ф 7952... Л. 32 об. — 33]. РАПП, взявший на себя роль толкователя генеральной линии партии в литературно-художественной сфере, уточнял:

Работа над историей заводов не должна быть такой, какой была работа Золя над материалом <...> Золя подходил к материалу как буржуазный реалист и натуралист, который, стремясь к «объективному» отражению жизни, не понимал движущих классовых противоречий <...> Нам нужно, чтобы завод сам заговорил о себе [Либединский: 13].

Но, «заговорив», завод сказал много лишнего. Факты не подчинялись концептуальным установкам — и, например, в отчете о работе по истории Ленинградского металлического завода им. Сталина за 1932 год обнаружилась «опасно выпячивавшаяся» роль эсеров в революционном прошлом. Старики-заводчане на возражения партруководства отвечали: «Как же вы хотите замолчать роль эсеров, которые за революционную деятельность по 20 лет сидели в тюрьмах?» [ГА РФ... Ед. хр. 39. Л. 24] Понадобились дополнительные разъяснения, с которыми выступил все тот же РАПП: «Как нужно собирать материал для истории заводов? Мы не должны забывать о том, что <...> мы воспитываем <...> писателя, который имеет большевистское мировоззрение» [ГА РФ... Ед. хр. 33. Л. 6—8].

Разыскания в области недавней российской истории остро ставили вопрос о месте документа в историческом познании. В ответе на него запутался даже чуткий к политической конъюнктуре Е. Ярославский, автор двухтомной истории ЦК ВПБ(б). С одной стороны, ссылаясь на М. Покровского, он писал: «В нашей исторической литературе мы имеем дело с систематической и чрезвычайно тонкой фальсификацией», которая связана с фетишизацией документов историками, с другой, тоже с отсылкой к Покровскому, — убежденно цитировал: «...историк, который абсолютно не верит документам, не будет историком» [Об ошибках... 194—195], и в этой путанице поддержки Сталина не получил. Конец разномыслию в отношении исторического факта был положен статьей вождя «О некоторых вопросах истории большевизма» [Сталин: 3—12], и довод «всякий большевик знает...» стал достоянием аргументом в споре с теми, кто фетишизировал документ. Документальные материалы и архивы в свете этого тезиса остались уделом «архивных крыс» и «либеральных историков-фальсификаторов». Так на момент создания «ЛН» во второй половине 1931 года архивно-издательский вопрос из плоскости научной перешел в социально-политическую, став синонимом испытания на марксистско-ленинскую зрелость, которое, как известно, не все выдержали.

Однако Зильберштейн, «человек неунывающий» [Кроленко] и осторожный, — поддерживая борьбу за существование и самобытность «Academia» и жестко выступая в своих письмах П. Щеголеву против сместившего А. Кроленко ставленника Главнауки Я. Назаренко, он не был, однако, среди подписантов коллективного письма в защиту издательства для «Ленинградской правды» [Кроленко], — не отступил. Понадобились опыт и связи в издательском деле — сотрудничество с «Academia», дружба с П. Щеголевым и М. Кольцовым, вера в собственные силы и, конечно, молодость с ее «поисками оптимизма», к которому в те годы призывал впавших в политическую депрессию интеллигентов К. Зелинский [Зелинский].

Что же касается роли М. Кольцова в организации «ЛН», то Зильберштейн ставил ее исключительно высоко:

Я задумал это издание как специально предназначенное для публикаций неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Помог мне осуществить эту мечту замечательный человек, лучший фельетонист Советского Союза за все время существования нашего государства, блестящий писатель, автор «Испанского дневника» Михаил Ефимович Кольцов. Этот легендарный человек одновременно был директором Журнально-газетного издательства, где печатались около сорока пяти периодических изданий. В частности, именно Кольцов основал журнал «Огонек», который выходил в Журнально-газетном издательстве приложением — «Библиотечка “Огонька”», которая до сих пор существует. Это все дело ума и рук этого чудесного человека, остроумного, на редкость многогранного, человека, который, как все хорошо знают, провел в Испании во время гражданской войны от первого и до последнего дня.

За полгода до этого Михаил Ефимович меня перевел из Ленинграда, где я жил, в Москву. Я даже жил некоторое время, покуда не обменял квартиру, у него. Так что «Литературное наследство» прежде всего обязано энергии этого человека, который сумел получить в вышестоящих инстанциях разрешение на выпуск трех первых номеров. И нам сказали: «Вот выпустите три номера, а дальше будет видно».

Первая беседа И. Зильберштейна с В. Дувакиным.

3 мая 1981 года.

[Отдел устной... № 801]

Весной 1931 года Зильберштейн обратился за поддержкой своему начинанию к Российской ассоциации пролетарских писателей и предложил план издания. Это был смелый и продуманный шаг. В 1929—1931 годы РАПП последовательно вел борьбу за гегемонию среди (и внутри) литературно-художественных организаций и объединений в том числе «со всевозможными видами извращения марксизма в области литературоведения» и создания «на основе органической связи с практикой пролетарского литературного движения» [ОР ИМЛИ. Ф. 40... Л. 62 об.] института марксистской критики, контролирующего деятельность организованного в июне 1930-го Общества марксистов-литера-

туроведов при Президиуме Комакадемии и критиков из Института Красной профессуры. Зильберштейн, одержимый своей идеей ученый-профессионал («...тут не только молодость, тут одержимость» [*Отдел устной...* № 801] — такую самохарактеристику содержат его воспоминания о 1930-х годах), в методологическом начинании РАПП увидел возможную перспективу для воплощения политически двусмысленного и уже во многом скомпрометированного замысла.

В развитой перед руководством РАПП программе им было обозначено, что в журнале будут представлены запрещенные царской цензурой антимонархические и антирелигиозные произведения, в научный оборот будут введены черновики, варианты и редакции литературных памятников, созданных пером писателей-демократов, их публицистика, эпистолярный и мемуарный жанры. Он справедливо указал на то обстоятельство, что архивные разыскания и публикации до той поры не простирались далее пушкинской эпохи, и на то, что актуальные темы современной литературы или недавнего ее революционного прошлого оставались без должного внимания и научного освещения. По этой причине, подчеркивал он, важнейший участок литературоведения остался целиком захваченным правыми литературоведческими группами. Аргументы, использованные для обоснования актуальности издания, были оформлены в политической риторике, созвучной методологической программе РАПП: проект был якобы направлен против антимарксистских и буржуазных литературоведов, в чьих руках до сих пор оставались архивные публикации.

В начале 1931 года по Москве уже ходили слухи о создании нового журнала. С. Макашин вспоминал, как сразу после освобождения из заключения по ложному обвинению в связях с меньшевиками, в первых числах мая 1931 года он отправился к главному редактору Большой советской энциклопедии О. Шмидту с просьбой разрешить продолжить службу в Энциклопедии.

Отто Юльевич сказал: «Пожалуйста, я могу это сделать, но только я вам не советую: вы переросли эти рамки, что же

вам писать без конца эти маленькие заметки по литературе и по музыке. Поищите что-нибудь интересное. Кроме того, по-видимому, у вас есть какие-то враги, которые, так сказать, написали на вас и вот так для вас закончилось. Знаете что, мне Анатолий Васильевич Луначарский говорил, что есть какое-то очень интересное новое начинание, связанное с публикацией историко-литературных документов. Сходите к нему. Я не помню, что это такое». Я поблагодарил <...>

Анатолий Васильевич выслушал меня, он ко мне хорошо относился, и сказал: «Да, Отто Юльевич прав. У Михаила Кольцова затевается очень интересное издание, нечто вроде литературного “Былого” с публикацией документов» <...> Когда я пришел в кабинет Михаила Ефимовича Кольцова как директора «Жур.-газ. объединения», его секретарша сказала, что его сейчас нет <...> и сказала, что этим делом занимается некто Илья Самойлович Зильберштейн, указала мне его комнату небольшую, и я пошел туда. Так состоялось мое первое знакомство с Ильей Самойловичем Зильберштейном. Это была одна комната, сидела там машинистка, сидел Илья Самойлович и уже диктовал планы «Литературного наследства».

Первая беседа С. Макашина с М. Радзишевской.

14 мая 1984 года.

[Отдел устной... № 871]

Это были события начала мая, а 17 июня 1931 года на заседании секретариата РАПП под председательством Л. Авербаха уже рассматривался вопрос о создании нового архивного (в стенограмме исправлено на «историко-литературного») журнала. Было принято решение о необходимости «издания историко-литературного журнала. Поручить т. Ситковскому и Макарьеву написать соответствующую докладную записку, поставив окончательный вопрос на ближайшем заседании секретариата» [ОР ИМЛИ. Ф. 40. Ед. хр. 49. Л. 42]. Докладная записка РАПП и ИЛИЯ, как вспоминал Зильберштейн, «была отправлена Алексею Ивановичу Стецкому в ЦК (он заведовал Агитпропом), и было дано разрешение на три номера: попытаемся, посмотрим, что выйдет». Переговоры со Стецким вел М. Кольцов, и 1 августа 1931-го Зильбер-

штейн уже приступил к работе в качестве заведующего редакцией «ЛН».

Редакционная статья, о которой с отвращением вспоминал Макашин, обещала читателям не «академический» журнал, убежище «архивных крыс», а боевой большевистский орган [*От редакции*: 2]. Но рапповская программа была немедленно скомпрометирована публикацией без «серьезной обработки ответственного материала по истории марксизма в России» [*Большая...* 227—229], вызвавшей недовольство Сталина. И подборка писем марксистов к Н. Михайловскому была вырезана из уже сверстанного и переплетенного тома. Это был не единственный «прокол» редакции. Вторым стала попытка опубликовать записи выступлений Ленина, где цензурой были выявлены «троцкистские» суждения вождя большевиков о перманентной революции. По воспоминаниям Макашина, «ЛН» удалось тогда сохраниться лишь благодаря поддержке того же Сталина:

Ну зачем запрещать? Издание хорошее. Они делают полезное дело: публикуют документы исторического прошлого. Только нужно строго указать редакции, чтобы оно не занималось не своими делами. Это «Литературное наследство», и их дело заниматься литературой, историей литературы, а не политическими документами. Для этого у нас есть свои издания. Предлагаю объявить строгий выговор главному, ответственному редактору Авербаху.

Четвертая беседа С. Макашина с М. Радзишевской.

4 октября 1985 года.

[Отдел устной... № 871]

В дальнейшем «ЛН» не только отойдет от установок РАПП, но опровергнет их, и не классовая борьба пролетариата, а «любая, незначительная записка писателя, снабженная крохоборческими биографическими “изысканиями”-комментариями», над которыми в редакционной статье к первому тому глумился Авербах, станет предметом источниковедческих поисков и публикации в научной серии «ЛН». Освободившееся в 1932-м после постановле-

ния ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от рапповского ига, «ЛН» начало последовательное воплощение в жизнь творческих замыслов Зильберштейна — «раскрыть архивные недра», «издать неизданное», «искать новое, неопубликованное, неизвестное, забытое, затерянное, собрать воедино несобранное» [Андрионов].

«Но как, откуда, какими путями добываются эти новинки?» — поинтересовался у С. Макашина в юбилейный для «ЛН» год один из историографов. «Это целая археографическая эпопея», — отвечал Макашин. Действительно, школа Щеголева не прошла даром для Зильберштейна, у него, по словам П. Лебедева-Полянского, для разыскания материалов особый нюх имелся. В. Десницкий добавлял: «Щеголев говорил, что у него больше нюха, чем у него самого: “Там, где у меня не выходит, пошлю Илью, и — найдет”» [НА ТГОМ. Ф. Р-13]. Нюх и настойчивость были необходимы «ЛН»: архивы не сразу и неохотно раскрыли для него свои недра.

Спустя год после принципиального решения о создании журнала Зильберштейн, уже на фирменном бланке «ЛН» с указанием адреса редакции по Страстному бульвару, д. 11, обращался в ЦАУ с конкретными заказами на архивные разыскания. Его интересовал в рукописном фонде бывшей «собственной императорской библиотеки» альбом Александры Федоровны, супруги Николая I, в котором имелся автограф Гёте и др. документы великого веймарца. «ЛН» готовился вместе с Академией наук к празднованию столетия смерти поэта и сделал гётевский том, первый, где «ЛН», вышло за пределы национальных архивов.

Летом 1932 года запросы шли на фонды Петербургского цензурного комитета. Зильберштейн интересовался местонахождением романа Д. Гирса «Старая и юная Россия», который при печатании подвергся «цензурным репрессиям». Предметом разыскания стали автографы Салтыкова-Щедрина в провинциальных отделениях ЦАУ, в Рязани, Туле, Твери, Вятке, Пензе, где протекала служебная деятельность писателя, и рукописи А. Герцена.

Зильберштейн не только просил: на счет ЦАУ им был внесен аванс в размере 1000 рублей для организации ра-

зыскательской работы. Сумма по тем временам немалая: к примеру, писательский гонорар в советских журналах и издательствах колебался от 35 (И. Ясинский) до эксклюзивных 350 (К. Федин) и 500 рублей за лист (А. Горький) в зависимости от общественного статуса писателя; а портрет Каратыгина кисти В. Тропинина оценивался в 10000 рублей. Но результат был ничтожен. Когда очередное письмо не возымело действия, в феврале 1933 года Зильберштейн обратился в коллегии Центрархива СССР уже не с просьбой, а с жестким требованием.

Несмотря на неоднократные попытки редакции «Литературного наследства» привести в систему свои взаимоотношения с Центрархивом, до последнего времени нами не достигнуто окончательной договоренности о принципах нашей совместной работы. Если журнал «Литературное наследство» с первого же своего номера явился, по отзывам таких авторитетных органов, как «Правда», большим завоеванием марксистско-ленинской критической мысли, то с выходом в свет гетевского тома этот первый советский историко-литературный журнал получит, несомненно, мировое признание. Правильное политическое осмысление историко-литературных материалов и высокое полиграфическое оформление его служат основаниями для того, чтобы, как в СССР, так и на Западе, наша культурная миссия дала большие результаты <...> Буквально со всеми основными архивохранилищами Союза мы вступили уже в договорные отношения по вопросам разысканий и публикаций материалов, хранящихся у них <...> А с Центрархивом СССР, кроме одного договора на письма Тургенева к Анненкову, у нас нет никакой конкретной, а тем более договорной связи <...>

Мы сейчас широко развернули свою работу — кроме перечисленных выше специальных номеров, которые выпускаются нами в текущем году, мы с января месяца получили разрешение на выпуск специальной Библиотеки «Литературного наследства», отдельные книжки которой будут давать тематически объединенное в единое целое материалы по истории русской литературы и по истории русской общественной мысли. Это начинание наше дает возможность Центрархиву СССР выпускать у нас крупные связки историко-литератур-

ных материалов под собственной маркой <...> За все эти мелкие публикации мы оплачиваем за право печатания их текстов по выходе номеров из печати [ГА РФ. Ф. Р-5325... Л. 100].

Очевидно, был прав Макашин: «не было тех целей и задач, которые он (Зильберштейн. — Д. М.) не мог бы достигнуть» [Отдел устной... № 908]. В 1936 году он уже чувствовал себя вправе обращаться с протестом к ответственному секретарю Союза писателей СССР В. Ставскому в связи с «вопиющей несправедливостью» руководства секции критиков и литературоведов, отказавшего ему в приеме в члены Союза советских писателей несмотря на рекомендации М. Кольцова. За пять лет существования под бессменным руководством Зильберштейна «ЛН» издало 24 номера, два из которых, щедринские тома, получили высокие оценки «Правды». Зильберштейн с гордостью их цитировал:

Можно сказать без всякого преувеличения, что за все десятилетия после смерти Щедрина либерально-буржуазная и народническая литература о Щедрина не проделала такого огромного и плодотворного труда, какой представлен в этих сборниках <...> Он сделан подлинными друзьями Щедрина — гг. И. Зильберштейном и С. Макашиным. И по подбору материалов, и по его обработке щедринский сборник представляет ценное достижение советской культуры в области литературоведения [Между молотом... 567—568].

На счету Зильберштейна оказался и успех «пушкинского тома», который был признан лучшим из всего созданного к столетию поэта.

«Отказ от ставки на “самотек” в приобретении материалов, сотрудничество исследователей — не только специалистов в своей области, но и больших энтузиастов своего дела, планомерная и терпеливая работа с ними» [Ломунов: 170] — черты, столь характерные для деятельности молодого Зильберштейна, в дальнейшем стали «фирменным стилем» редакции «ЛН». Они превратили любимое детище Зильберштейна в образцовое, по многим параметрам, академическое издание, которое завоевало ав-

торитет, приобрело признание мировой научной и литературной общественности. Более того. Существование в условиях цензуры и контроля со стороны ЦК КПСС наделило редакцию «ЛН» приемами и свойствами влиятельного «литературного агента», умевшего отыскать авторов и местонахождение архивов, произвести отбор актуального научного и литературного материала, организовать рабочий процесс, проверить качество продукции, обеспечить достойную оплату труда и распределить гонорары. «ЛН» скоро стало своеобразным магнитом, к которому тянулись литературоведы, библиофилы, архивисты, для которых было удачей и честью войти в творческий коллектив очередного тома. С другой стороны, «ЛН» институциализировало себя как школа текстологии и источниковедения, создавшая интеллектуальную и идеологическую платформу, на которой вызревала новая генерация советских историков литературы.

«Вполне ли “главлитны” эти письма?»

Оглядываясь на пройденный «ЛН» путь, Макашин заметил, что «Литературное наследство» существовало и развивалось вместе со всей советской историко-литературной наукой, и пояснил характер этой связи:

Положение «Литературного наследства» зависит не только от его, так сказать, внутренних сил, то есть от деятельности того редакционного и авторского коллектива <...> но и от состояния всего нашего литературоведения, от положения, в котором оно находится [*Стенограмма...*].

Работа на одном из самых опасных участков литературного фронта сталинской эпохи — публикации архивных документов — обнаруживает исключительную способность «ЛН» к борьбе и выживанию. Вызывает вопросы, как удалось Зильберштейну в 1937 году опубликовать прекрасно иллюстрированный том «ЛН», целиком посвященный русскому символизму, с публикацией исследований поэтики, эстетических программ, политической позиции

символистов, с обзорами, указывающими местонахождение архивов, с опытами библиографии литературного наследства А. Блока, В. Брюсова и недавно умершего А. Белого. Как вызов власти можно рассматривать прием на работу подвергавшегося аресту и заключению дворянина Макашина в 1931 году, вызволение из ссылки и создание всевозможных условий для появления на свет фундаментальной работы С. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» в начале 1930-х гг., разрешение на участие в герценовских томах трижды судимого как «каэра» Н. Анциферова в 1941-м и, наконец, попытки в 1948-м опубликовать работы отбывавшего ссылку Ю. Оксмана. В письме последнему Зильберштейн рассказывал о давлении, которое оказывалось на редакцию «ЛН»:

После того, когда почувствовал, что в этих сигналах есть нечто такое, что действительно может нас привести к катастрофе, — а нам с Макашиным, как Вы сами понимаете, сейчас нужно смотреть в оба — я решил пойти на последний шаг — написать официальное письмо в ЦК ВКП (б) <...> В душе я таил надежду, что мы получим положительный ответ. Надежда моя не оправдалась. Вчера нам позвонили — и в просьбе нашей отказали [*Стенограмма...*].

1947, 1949, 1959 годы были для «ЛН» тяжелыми, когда редакции грозила серьезная опасность со стороны партийного руководства. Его продукция неоднократно подвергалась репрессиям. Редакционный портфель не вписывался в «генеральную линию» партии культивирования классики. Издание в условиях борьбы с космополитизмом лермонтовского тома с «порочными» статьями компаративистского толка Б. Томашевского и Л. Гроссмана вызвало разборки в прессе [Иванов] и обсуждение на Ученом совете ИМЛИ. Четыре неудачных попытки издания пережил блоковский том. Цензурные изъятия коснулись уже упомянутых 1 и 7/8 томов и 80 тома «Ленин и Луначарский».

Но все это несравнимо с травлей 65-го тома «Новое о Маяковском», подготовка которого пришлось на хрущевскую оттепель. В журнальной периодике уже звучали имена

Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Ф. Искандера, Ю. Мориц, В. Федорова, Б. Окуджавы, В. Гордейчева, Ю. Казакова, Ю. Трифонова, М. Щеглова, публиковались стихи Б. Корнилова, П. Васильева, Д. Кедрина, Вс. Багрицкого, П. Когана. Но «бронзовому монументу на Триумфальной площади Страна Советов не могла позволить <...> лирическую слякоть» [Галушкин] любовных писем. Зильберштейн и сотрудники «ЛН» лишь по счастью избежали судьбы, в 1940—1950-е годы постигшей профессорско-преподавательский состав советских вузов [Хализев и др.]. Точнее было бы сказать — не по счастью, а благодаря харизме, профессионализму, авторитету и широким деловым и дружеским связям Зильберштейна. Инициированная Л. Маяковской критическая проверка содержания тома получила поддержку в Политбюро, а 31 марта 1959 года Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей признала грубой ошибкой Отделения языка и литературы Академии наук СССР, под эгидой которого существовал «ЛН», выпуск 65-го тома «Новое о Маяковском». Удар был перенаправлен на Зильберштейна. Однако заступничество лауреата Ленинской премии Луи Арагона с его родственными связями с Л. Брик погасило волну. Зильберштейн остался редактором издания, выход второго тома о Маяковском был запрещен (не опубликован он и до сих пор), а для «ЛН» с этого момента начался третий этап институционального существования, теперь уже под юрисдикцией ИМЛИ РАН — в те времена флагмана партийного литературоведения.

Естественно, что и тогда, и позже вопросы цензуры и автоцензуры оставались неизбежными спутниками эдичионной практики «ЛН». Однако Зильберштейн, в самых неблагоприятных условиях ведший себя с властью смело, если не сказать заносчиво, в чем роднился со своим коллегой и другом В. Бонч-Бруевичем [Московская], в делах рабочих «не поступался принципами», умело сочетая лобовую атаку с разумным маневрированием и умеренным конформизмом. В 1970 году в работе над томом «Ленин и Луначарский» он внял совету заведующего Центральным партийным архивом А. Соловьева: «Ну, чего вы настаиваете? Ну, выбросите», и «выбросил» записку Ленина

к Менжинскому с просьбой отпустить за границу умирающего Блока и злой ответ ему Менжинского. Не столь кроток он был в реакции на разнос, učinенный ему Главлитом за том «Горький и Леонид Андреев». В ОР ИМЛИ сохранился автограф его письма от 10 ноября 1964 года:

Уважаемые товарищи! Редакция «Литературного наследства» внимательно ознакомилась с Вашими пометками на листах 72-го тома «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Графический характер пометок и отсутствие объяснительной записки затрудняет во многих случаях пояснение мотивов, по которым те или иные места текста привлекали к себе Ваше внимание, так и Ваших конструктивных предложений или пожеланий. Подавляющее большинство пометок относится к тем местам в публикуемых архивных документах, в которых содержатся куски и характеристики явлений и деятелей прошлого, не совпадающие с нашим современным отношением к ним. Не ясно, однако, чего же хочет здесь Главлит. Не изъять же полностью или частично — этих историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных материалов далекого уже исторического прошлого [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

В другом варианте того же письма он уже откровенно шел ва-банк: «Уважаемые товарищи! Большинство Ваших замечаний имеет сугубо формальный и антиисторический характер».

Материалы архива не содержат информации о том, какой именно текст поступил в Главлит, однако сочетание наступления с готовностью пойти на уступки, в частности, на изъятие из верстки публикации А. Наумовой с выступлениями Горького по делу Бейлиса, как ни старался их сохранить Зильберштейн («Борьба Горького против национальной политики царизма, против организаторов еврейских погромов связана со всей революционной деятельностью Горького. Взгляды Горького по этому вопросу полностью совпадают с позицией Ленина. Горький не мог не выступать против погромов, так как был вели-

ким гуманистом. Абсолютно непонятно, почему Главлит берет под подозрение соответствующие высказывания Горького» [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96]) — дали желаемый результат. Публикация тома с оговоренными купюрами была разрешена.

Следы необходимой осторожности раскрывают материалы фонда № 575 ОР, крайней нижней датой которых является 1960 год, когда «ЛН» оказался в ведении Института мировой литературы. Сюда попал «отсев» — публикации, по различным причинам не вошедшие в тома, а также доцензурные версии работ. Среди них, в папке № 96, был выявлен отзыв И. Черноуцана, литературного критика, чья связь с литературой была также и личной — он был женат на Маргарите Алигер, — пользовавшегося уважением и доверием Зильберштейна. Приведем его оценку коллеги, в которой есть доля заслуженного самолюбования:

И, конечно, огромную радость доставили две статьи: Черноуцана Игоря Сергеевича, работника ЦК в недавнем прошлом, теперь он на пенсии, он очень культурный человек, у него несколько изданий книг «Ленин и литература». Причем он написал слова, которые почти никогда не писались о «Литнаследстве». Первая статья была небольшая в «Правде», и большая статья, листа на полтора, она открывала номер «Вопросов литературы», журнала. Там была фраза, начало этой статьи: «Выход этого тома — событие духовной жизни нашего народа».

Первая беседа И. Зильберштейна с В. Дувакиным.

3 мая 1981 года.

[Отдел устной... № 805].

В отзыве Черноуцана на рукопись тома «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» (т. 70, 1963) одно из замечаний касалось переписки с А. Платоновым: «В письме к <Андрею> Платонову говорится о цензуре и Воронском, лучше его не давать, т. к. кроме этого ничего в письме нет». Однако Зильберштейн всегда старался пробить публикацию именно тех материалов, которые были на грани дозволенного. Об этом его свойстве очень точно сказал Макашин:

Внутри этого человека спрятана какая-то пружина огромного сжатия, которую в необходимый момент Илья Самойлович распускал, и именно она снабжала его энергией совершенно <...> направляла его к достижению тех целей, которые он ставил перед собой.

Двенадцатая беседа С. Макашина с М. Радзишевской.

1 июня 1988 года.

[Отдел устной... № 908]

И «сомнительное» письмо Горького от 18 сентября 1929 года с отказом в поддержке «Чевенгура» и упоминанием способности находящегося «не у дел» Воронского оценить роман все же было опубликовано [*Горький... 313*].

Иначе обстояло дело с попыткой публикации писем Б. Пильняка, когда над томом работал секретарь редакции Н. Трифонов. Недатированное письмо (вероятно, вторая половина 1970-х) к неустановленному адресату (Владимиру Ивановичу) от Трифонова, где рассматривается предложение опубликовать письма Бориса Пильняка к редактору петроградского «Ежемесячного журнала», после революции журнала «Артельное дело», В. Миролубову, комментирует этот сюжет. Трифонов оценил историко-литературную ценность писем: «Они помогают понять характер творческих исканий писателя, его взгляды и настроения 20-х годов, и в частности, его многочисленные ошибки и заблуждения». В то же время он с учетом возможной перлюстрации выражает сомнение: «Но у меня, скажу откровенно, есть сомнения, вполне ли “главлитны” эти письма».

Как Вы помните, Пильняк прямо признается, что чужд коммунизма, который он, впрочем, отделяет от большевизма. Писателю представляется, что коммунизм якобы «кастрирует» национальную Россию; он уподобляет «веру» коммунистов вере своей прабабки-староверки и т. д.

Пильняк симпатизирует выступлениям «внутреннего эмигранта» Питирима Сорокина, о котором Ленин писал, что он «искажает правду в угоду реакции и буржуазии». Автору «Голодного года» по сердцу журнал «Экономист», который Ленин назвал «явным центром белогвардейцев». Писатель

именует «общественной весной» связанное с НЭПом вживание буржуазных общественных элементов.

28 декабря 1977 года.

Машинопись [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

Письма Пильняка к Миролубову в 93-й том «Из истории советской литературы 1920—1930-х годов» «ЛН» включены не были и вышли в свет в 1989 году во втором номере журнала «Русская литература» со вступительной статьей и комментариями Н. Грякаловой.

Заметим здесь, что разная позиция в отношении «опасных» тем и текстов Трифонова и Зильберштейна может прокомментировать внутренний разрыв в редакции «ЛН», когда, как вспоминал в 1987 году Макашин, Зильберштейн, он и Трифонов вели свои тома самостоятельно, не зная, «что делается за соседним столом. Он (Зильберштейн. — Д. М.) не вмешивается в дела моего тома, так же как я не вмешиваюсь в его дела» [*Отдел устной... № 902*]. По-видимому, Трифонов, партиец и педант, был чужд Зильберштейну, который в беседе с В. Дувакиным в 1981-м заметил: «Есть у нас в редакции такая дрянь, как Николай Алексеевич Трифонов» [*Отдел устной... № 805*]. В настоящей публикации мы оставим за скобками непростые взаимоотношения И. Зильберштейна и С. Макашина, которые распространились и на отношение Зильберштейна к Трифонову. Однако, как бы ни были они в последние годы трудны и мучительны, в своих воспоминаниях оба отца-основателя оставили объективные, очень высокие оценки вклада друг друга в общее дело созидания «ЛН».

«В этой связи позвольте предложить публикацию...»

К «ЛН» тянулись библиографы, книгочеи-библиофилы, извлекавшие из архивной пыли, из забытой периодики, почти из небытия, исторические свидетельства и новые литературные факты. Эта тенденция особенно ярко явила себя при подготовке уже упомянутого 93-го тома «ЛН» «Из истории советской литературы 1920—1930-х годов: Новые материа-

лы и исследования» (1983), работа над которым была инициирована в 1967 году. Ее течение отражает новое состояние культуры, перешагнувшей границы хрущевской оттепели. Тогда в памяти живы были и обретенное ненадолго право на протест против «казенщины, нетерпимости и помпезности» (В. Аксенов) в литературе периода культа личности, и осторожная реабилитация имен Бабеля, Пильняка, Булгакова, Цветаевой, Платонова, и призыв отменить «угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры» (А. Солженицын). Разгром «Нового мира», ознаменовавший в 1970-м конец либеральной оттепели, был еще впереди, и интеллигенция, по выражению Н. Хрущева, «металась» [Лакшин: 17] — в редакцию «ЛН» шли предложения к публикации запрещенных авторов. Действовала и редколлегия «ЛН», со своей стороны выступая инициатором обнародования замолченных текстов и удивляя своей дерзостью архивистов. Один из подобных сюжетов, не получивший, впрочем, развития, раскрывает переписка «ЛН» конца 1960-х годов по поводу публикации «взрослой» поэзии А. Введенского.

Летом 1967-го Н. Трифонов адресовал Т. Никольской в известной мере неожиданное для официальной переписки предложение.

Уважаемая Татьяна Львовна!

Редакция «Литературного наследства» действительно приступила к подготовке тома «Из истории советской литературы 20-х — 30-х годов». *Но* (курсив наш. — Д. М.) основу этого тома, как всегда, составят тексты литературных произведений, писем, документов тех лет с соответствующими предисловием и комментариями.

Если в Вашем распоряжении есть такие тексты К. Вагинова, мы охотно ознакомимся с ними и рассмотрим вопрос о возможности их включения в том.

27 июня 1967 года.

Машинопись [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 96].

В 1969 году на предложение редакции ответил М. Мейлах:

Уважаемая Татьяна Георгиевна (Динесман. — Д. М.),

Татьяна Никольская сообщила мне о том, что вы хотите напечатать обэриутов. Я могу предложить Вам публикацию Введенского <...> Прошу Вас сообщить, сколько стихотворных строк можно предложить, а также несколько слов о характере издания и предполагаемых сроках. По получении этих сведений я немедленно пошлю заявку. Те же сведения о Хармсе интересуют, по-видимому, Александра.

3 октября 1969 года.

Автограф [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

Как следует из публикуемого ниже отрывка письма М. Мейлаха 1969 года, инициатором публикации в «ЛН» прозы и поэзии ленинградского позднего авангарда был все тот же Зильберштейн. Именно он в 1967-м провел переговоры об издании обэриутов — Введенского и Хармса, а с ними, вероятно, и Вагинова с Добычиным.

Уважаемая Татьяна Георгиевна,

по возвращении в Ленинград в конце сентября Т. Никольская сообщила мне, что Вы просите меня прислать заявку на публикацию Введенского в томе, посвященном двадцатым годам. Я немедленно написал Вам письмо с просьбой объяснений, с вопросами об объеме публикации и т. д. До сих пор я не получил на письмо ответа. Не переставая этому удивляться и допуская возможность недоразумения, я высылаю эту заявку Вам и одновременно И. С. Зильберштейну, с которым я уже говорил два года назад об издании Введенского в Лит. Наследстве. Хочу надеяться, что наша дальнейшая переписка окажется более успешной.

16 ноября 1969 года.

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

В заявке сообщалось:

...произведения для детей занимают лишь второстепенное место в творческом наследии Введенского. В середине двадцатых годов Введенский входил в группу «Левый фланг», основанную поэтом Александром Туфановым, печатался в сборниках ленинградского Союза поэтов («Собрание

стихотворений, Л., 1926, стр. 14; Костер», Л., 1927, стр. 23) <...> В 1928—1930 гг. Введенский был членом группы «Обэриу» (Объединение реального искусства), куда входили также Д. Хармс, Н. Заболоцкий, К. Вагинов и другие (программа обэриутов напечатана в «Афишах Дома печати», 1928, № 2). О возросшем интересе к творчеству Введенского можно судить хотя бы по тому, что его имя все чаще находит место на страницах воспоминаний <...> Знакомство с поэтическим наследием Введенского убеждает в том, что мы имеем дело с крупной самобытной фигурой, которая не только должна быть включена в современный литературный процесс, но и освещает по-новому некоторые его стороны.

16 ноября 1969 года.

Машинопись [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 96].

К публикации предлагались стихотворения Введенского: «Элегия», «Гость на коне», «Приглашение меня подумать», «Мир», «Сутки», поэмы малые и большие: «Очевидец и крыса», «Четыре описания», «Где и когда», «Потец», «Кругом возможно Бог» и пьеса «Елка у Ивановых». Ответственный секретарь «ЛН» Трифионов реагировал со свойственной ему осмотрительностью:

Дать Вам положительный или отрицательный ответ мы можем, разумеется, только после ознакомления с этим материалом. Поэтому пришлите нам в начале будущего года те тексты А. Введенского, которые Вы предлагаете опубликовать (или некоторые из них) — пока без Ваших комментариев и предисловий.

24 ноября 1969 года.

Машинопись [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 96].

В конце концов, «ЛН» от Введенского отказалось. Не были приняты и предложенные Никольской сборник стихов К. Вагинова «Звукоподобие» (включая стихотворную драму «1925»), фрагменты из неопубликованного его романа «Гарпагогиана» и малая проза Л. Добычина (цикл «Вечера и старухи»). О Добычине Никольская писала:

...Проза Добычина отличается резким своеобразием, крайней лаконичностью стиля. Предлагаемый цикл относится к

раннему периоду его творчества и, не уступая позднему в литературных достоинствах, интересен как показатель его литературной генеалогии, восходящей к Флоберу и Чехову.

<декабрь 1969>

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

Однако и Добычин был корректно отвергнут Трифоновым:

Уважаемая Татьяна Львовна,

мы получили две Ваши заявки с предложением включить в том «Из истории советской русской литературы 1920-х годов» неопубликованные произведения К. Вагинова и Л. Добычина.

Конечно, нас в первую очередь интересуют материалы, связанные с более крупными и известными деятелями литературы тех лет. Однако не исключено, что и предлагаемые Вами тексты могут нас заинтересовать.

Но на основании этих кратких заявок мы ничего не можем решить. Ответ может быть дан только после ознакомления с самими текстами.

12 декабря 1969 года.

Машинопись [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

Затребованные тексты, по-видимому, были высланы. Но время возвращения Добычина к читателю настало лишь спустя два десятилетия и не на страницах литнаследских томов. «Гарпаго尼亚на» рассматривалась долго и получила положительный отзыв неустановленного рецензента лишь в 1977 году.

Время действия «Гарпаго尼亚ны» — годы первой пятилетки, точнее 1931—1932 гг. (см. стр. 125 (149) и 188). Автор характеризует его как «время, когда новые сеятели вышли на святую ниву, приготовляя новую жатву и торжество нового принципа» (стр. 122(146)). Однако рядом с «сеятелями нового» существуют осколки ушедшего в прошлое мира, они-то и являются предметом исследования автора.

«Гарпагоониана» — произведение остро гротескное. Ее персоналии, утروившие связь с прошлым и не принявшие ничего из того, что пришло ему на смену («старый мир вы презираете, новый мир вы ненавидите», стр. 99 (94)), существуют в некоем вакууме, вне окружающей их реальной жизни. Единственное, что вынесено ими из прошлого и что составляет самое их существование, — инстинкт собственности и торгашества. Однако в условиях новой жизни собственность теряет былую реальность, превращается в призрак, в мираж. В результате персонажи «Гарпагоонианы» живут в призрачном мире выдуманных или иллюзорных ценностей (они продают, покупают, воруют и коллекционируют ногти и волосы, высохшие букеты и сломанные вещи, ругательства и сновидения). Живая жизнь обрекает их на выморочное, лишенное истинного смысла существование, превращающее их самих в призраки, в «Мертвые души», которым нет места в мире живых людей.

Таков замысел «Гарпагоонианы» — безусловно интересный и занимательный, освещающий одну из граней сложной эпохи становления нового общества. Воплощение его носит печать незаурядного дарования автора, несмотря на то, что «Гарпагоониана» не завершена, а написанные части недостаточно обработаны. Следует отметить отчетливо ощутимую связь «Гарпагоонианы» с русской классической традицией, с одной стороны, и с теми тенденциями, которые существовали в прозе 1920—1930-х гг., с другой стороны — ее персонажи — прямые наследники героев «Мертвых душ» и «Иудушки Головлева», действующие в новых исторических условиях. Ряд параллелей, безусловно, сознательно проведенных автором, только подчеркивают эту связь (ср.: комнату Жулонбина и юность Чичикова; разговор продавца и покупателя сновидений и разговор Собакевича с Чичиковым). Вместе с тем «Гарпагоониана» перекликается с такими произведениями, как «Зависть» Олеси, а также предвосхищает некоторые страницы «Мастера и Маргариты».

Все это делает целесообразным публикацию «Гарпагоонианы» в «Литературном Наследстве».

Однако, принимая во внимание незавершенность этого произведения, в частности, необработанность некоторых глав и неясность их места в предполагавшемся развитии замысла, эти главы (XI, XIII, XV) целесообразно опустить и ограничиться линией Локонов — Анферьев — Жулонбин — Торопу-

ло, которая завершается гибелью Локонова. Внутри глав, составляющих эту линию, также возможны и даже необходимы отдельные сокращения, а именно мест, которые носят характер черновых набросков для памяти и никак не связаны с повествованием (напр., о найме работницы — стр. 38, или стр. 92—93, и т. д.). Отсутствие связанного повествования и единичного сюжетного развития, клочковатость, «разорванность» композиции, которая закономерно вытекает из содержания, в результате которого публикация может занять не 9, а 5—6 печатных листов.

12 марта 1977 года.

Авторизованная машинопись.

Подпись <нрзб> [ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 96].

О содержании отрицательных отзывов, которые в конечном счете не допустили к публикации уникальные тексты русского запрещенного и замолчанного авангарда, можно лишь догадываться. Главным и не названным в них была общая программа 1970-х по консервации советской идеологии, борьбе против «диверсий» на литературном фронте, сворачиванию дискуссий и формализации литературно-критической печати. Для истории литературной науки важно другое: высочайшая эрудиция как авторов, так и рецензентов «ЛН» превращала редакцию в площадку, на которой аккумулировались архивные открытия, задачи и замыслы современности, определившие на десятилетия вперед развитие литературной науки. Затронутая вскользь в отзыве К. Муратовой на 93-й том тема истории литературных группировок 1920—1930-х годов («необходим развернутый комментарий о “Новом мире”, его отличии от “Красной нови” <...> надо дать объективную справку об Авербахе <...> Где-то следует особо сказать о позиции “На посту” и “На литературном посту”») станет предметом обсуждения Муратовой с Трифоновым как проект нового тома по истории литературных организаций и объединений 1920—1930-х годов, но осуществление самой идеи войдет в историю литературоведения уже следующего — XXI — столетия:

Относительно нового тома «Литературного наследства», предложенного Вами: «1917—1932 годы по воспоминаниям,

письмам, дневникам и документам». Думаю, что надо прибавить документы. Без этого трудно по-настоящему понять дальнейшее. РАПП был сокрушен, но посеянное им осталось и уже по-иному, но врвалось в литературу. Конечно, не одно рапшовское: «Кузница» с ее ограниченностью также подминала своих членов. А рядом «расцветали все цветы». Увлекательное время!!! ЦГАЛИ в конце 50-х или начале 60-х годов обещали издать сборник литературных документов, но ничего не сделали. А это так важно. Сужу по «Манифестам до Октября». У нас такой небольшой сборник вышел в 1925 году, кажется, а за границей уже два более полных об этом времени издали, и приходится для справок привлекать их. Следите такой том, будет настольным справочником.

Но наберете ли том дневников и воспоминаний неизданных о том времени?? Боялись писать их тогда или некогда был в сутолоке литературной жизни.

15 декабря 1979 г.

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

93-й том, увидевший свет в разгар брежневского застоя, был ярким и... политкорректен. Из литературы недавнего прошлого были допущены «рабочие тетради» к «Стране Муравии» А. Твардовского, рукописные материалы Н. Асеева, не вошедшие в текст поэмы «Маяковский начинается», дополненные статьями о взаимоотношениях Маяковского с Хлебниковым и Пастернаком, эпистолярный А. Воронского и Б. Пастернака, воспоминания Л. Рейснер и не вышедшая книга С. Федорченко «Народ на войне».

«Откуда все это известно?

Не является ли это домыслом авторов?»

Отдельный пласт документов архива 93-го тома составили отзывы, которые раскрывают характерные для брежневской эпохи научно-идеологические стратегии формирования томов. Каждый из них — многостраничные произведения, сочетающие жанр научной статьи и

мемуара, т. к. в своем большинстве рецензенты были знакомыми тех, чье творчество стало объектом разыскания и публикации в «ЛН». Их ценность не ограничивается жанровыми особенностями. Она определена ситуацией, когда литература была «отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа», когда направление художественного творчества указывала «группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду» [*Предсмертное...* 147–151].

В этих условиях одним из способов сказать правду были внутренние рецензии: они не предназначались автору, авторов знакомили лишь с редакционным заключением. Так недоступность и анонимность текста невольно оказывались конечным критерием честности рецензента. Не секрет, что «главлитные» отзывы надолго лишили литературу наследия А. Платонова, Е. Замятина, М. Булгакова, Б. Пастернака... и не сразу имена тех, кто закрыл им доступ к читателю, стали достоянием гласности. Честность редакции «ЛН» может быть измерена тем, что при решении вопроса о публикации она не обращалась к мнению партийных бюрократов, а выбирала для отзывов самых требовательных и квалифицированных рецензентов. Честность рецензентов «ЛН» может быть оценена по тому, как чуждались они крайностей идеализации и были равно свободны от псевдолиберальной и партийной конъюнктуры в отношении текстов, которые на волне оттепели были вынесены на поверхность — в печать, к широкому читателю. Равно независимо они держались и в отношении именитых публикаторов и комментаторов этих текстов.

Архив 93-го тома хранит уникальные отзывы-статьи, составленные в 1977–1983 годах. Напомним, что первые шаги по собиранию тома приходятся на 1967-й. Конечная дата выхода тома, 1983 год, указывает верхнюю границу эпохи стремительной смены «теплой» политической палитры к болотно-ледяной. Рецензия З. Паперного, посвященная переписке Бориса Пастернака с советскими писателями, в целом положительная, скрупулезно фиксирует недочеты, обнаруживая высокую компетентность и требовательность автора:

Прежде всего отмечу, что они <комментарии> сделаны чрезвычайно добросовестно и квалифицированно, почти не оставляют «белых пятен»; содержат столь живой и ценный материал, что читаются как бы заодно с основным текстом, как его неотъемлемая часть.

Но кое-что с моей точки зрения требует уточнения.

Начну с первой фразы вступительной статьи к переписке: «Начало двадцатых годов застаёт Бориса Леонидовича сложившимся писателем, добившегося желанной независимости от литературных течений и групповых интересов». Это неверно. С 1923 г. выходит журнал «ЛЕФ» и на первых порах Пастернак в нем участвует. Он пишет по предложению Маяковского — вместе с другими поэтами — стихи на заданную революционную тему, печатает другие вещи и т. д. Да и сами комментаторы сообщают на с. 104 — Пастернак «с 1923 г. печатался в этом журнале “ЛЕФ” как его сотрудник. По мере того, как все четче обрисовывался групповой характер этого журнала, Пастернак все более тяготился сотрудничеством в нем. Отношения особенно обострились в 1927 г., когда стал выходить “Новый ЛЕФ”», далее приводятся слова самого Пастернака: «долгое время я допускал соотносённость с Лефом ради Маяковского».

Не ясно ли, что первая фраза предисловия о том, что уже в начале 20-х годов Пастернак добился «желанной независимости от литературных течений и групповых интересов» — что эта фраза чересчур категорична и не соответствует реальному положению вещей.

Но дело не только в одной фразе. Отношения Пастернака с «ЛЕФом» и Маяковским освещены несколько односторонне. Говорится только, что Пастернак стремился высвободиться из-под лефовского влияния <...> Мне кажется, что вместе с тем надо было бы сказать, как Маяковский высоко ценил Пастернака. Привести его высказывания о Пастернаке, его лирике, его поэтическом синтаксисе и т. д. У Маяковского было несправедливое отношение к Булгакову, к Цветаевой, тенденциозные оценки и т. д. Но к Пастернаку он относился с устойчивым интересом и симпатией, эта сторона не должна быть упущена в примечаниях.

Кроме того, если говорить о групповых пристрастиях «Лефа», которые, конечно, были, нельзя не сказать, что они

проявились и в статье В. Полонского «Леф или Блеф», напечатанной в «Известиях».

Сейчас же получается, что на Пастернака покушались «групповщики» и он еле от них отбил. Однако ведь ЛЕФ к саморекламе не сведешь. Это была весьма определенная и ярко выраженная литературная группировка. И тот факт, что Пастернаку было не по пути с Лефом, не означает, что мы сегодня должны зачеркивать «ЛЕФ», как это делал полвека тому назад Полонский.

Еще одно место, связанное с Маяковским, вызывает у меня сомнение <...> Тихонов пишет Пастернаку: «Футуристский гиперболизм Маяковского перешел в самый осмысленный и строгий анекдот или в сюжет».

В примечании <...> перечисляются стихи Маяковского, которые он публиковал в 1923–24 гг. и которые мог иметь в виду Тихонов, стихи сатирические — это подходит. Но — «Вон самогон!», «Ни знахарь, ни бог...» — эти агитки вряд ли могут служить иллюстрацией к словам о «строгом анекдоте»!

Спорным мне представляется то место, где речь идет о Бахтине как о человеке, которого имеет в виду Пастернак в письме к П. Медведеву.

На с. 151 читаем: «Неизвестно, насколько был посвящен Пастернак в ситуацию авторства книги “Формальный метод в литературоведении”, но о причастности Бахтина к ее созданию он мог догадываться». Почему, на основании чего делается такой вывод? «О Бахтине и характере его отношений с Медведевым он мог знать, возможно, от самого Медведева». Мог знать, но мог и не знать — все очень гадательно. «На это предположение наводит несколько загадочная фраза в п. 4, намекающая на некоторое определенное лицо, в котором можно угадать Бахтина». Сами комментаторы называют фразу Пастернака загадочной, и они же используют ее как основание для доказательства. Далее идет ссылка на свидетельство Бахтина — он встречался с Пастернаком в послевоенное время. Это вообще не имеет отношения к теме и не ясно, зачем приведено.

Но обратимся к самой загадочной фразе Пастернака: он говорит в указанном письме: «Я возьму с вас слово, что вы на нее (рукопись) не взглянете, а от вас она поступит к кому-нибудь близкому вам и более свободному человеку и, может быть, такому, ради досуга которого вы поступились своим»

<...> Речь совсем не обязательно идет об «определенном лице» — сказано: «кому-нибудь близкому вам». Тем не менее авторы берут на себя смелость писать: «Вероятно, Пастернак имеет в виду М. М. Бахтина» <...> Доказательство: слова Бахтина о том, что он дружил с Медведевым и Волошиновым.

Все это крайне зыбко. Можно понять желание комментаторов, чтобы «кто-нибудь близкий» оказался Бахтиным, но нет ощущения доказательности в этом предположении. Оно повисает в воздухе.

В сущности, эти два замечания — об отношении с Маяковским и о Бахтине — самое существенное из моих пожеланий.

9 июля 1979 года.

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

В рецензии на статью А. Наумовой и Г. Пржиборовской к публикации автобиографического романа Л. Рейснер Трифонов не без раздражения отмечает:

Например, на стр. 2 мы читаем о том, что замысел автобиографического романа был «давно задуман» Ларисой Рейснер, что она в 1919 году «постоянно обращалась» к этому произведению, а с другой стороны, писала его в 1919 г. «с большими перерывами». Откуда все это известно? Не является ли это домыслом авторов?

20 ноября 1977 года.

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96].

Надо сказать, что редактора и рецензенты «ЛН» не отличались беспристрастностью, и определенность, доходящую до резкости, можно считать фирменным стилем редакционной переписки, как, например, отзыв Н. Харджиева:

Ознакомившись с 93-м томом журнала («Из истории советской литературы 1920—1930-х гг.»), считаю необходимым отметить ряд неточностей и ошибок, совершенно недопустимых в научном издании. Все отмеченные мною дефекты содержатся в обширной публикации об Асееве. Остальных материалов я не касаюсь, т. к. они не входят в круг моих научных

интересов <...> Портрет Маяковского воспроизведен по достаточно топорной перерисовке И. Клюна (в сб. «Живой Маяковский» изд. А. Крученых, 1930). Существует, однако, первоисточник — автолитография Д. Бурлюка в сб. «Требник троих» (М., 1913, с. 35) <...> Фотопортрет Хлебникова (испорченный ретушью) впервые воспроизведен не в сборнике, изданном А. Крученых в 1925 г., а в книжке Хлебникова «Доски судьбы» (М., 1922), где репродукция отличная <...> Некий писатель Розанов (без инициалов!), упомянутый Асеевым в «Беседе со студентами Лит. института» (1939), безусловно не В. В. Розанов (самый известный из многочисленной плеяды однофамильцев). С трогательной наивностью комментатор сообщает, что «о своем знакомстве с писателем Василием Васильевичем Розановым (1856—1919) Асеев нигде больше (!) не упоминает». Но о своем знакомстве именно с Василием Васильевичем Розановым Асеев вообще нигде не упоминает. А допустить возможность напечатания литературного наследия В. В. Розанова советскими издательствами — нелепость, не нуждающаяся в опровержении. Комментатору, умудрившемуся обручить талантливое советского поэта с реакционным религиозным мыслителем, следовало бы также знать, что в 1919 г. (когда умер В. В. Розанов) Н. Н. Асеев был на Дальнем Востоке <...>

Сообщение вдовы поэта о том, что Асеев считал печатный текст поэмы Хлебникова «Синие оковы» смонтированным из трех самостоятельных произведений, опровергается белой рукописью, находящейся в ЦГАЛИ. Текстологическим анализом рукописей Хлебникова Асеев никогда не занимался.

Столь же необоснованным является приводимое А. Дымшицем суждение Асеева о поэме Хлебникова «Уструг Разина» («Это три стихотворения»), белой автограф поэмы также находится в ЦГАЛИ.

Вопреки заверению комментатора, никакой работы по редактированию текстов Хлебникова Асеев не предпринимал. Записанные же отдельные строфы из произведений Хлебникова Асеев использовал или предполагал использовать (как цитаты) в своих статьях о Велимире <...>

История с «литератором» Альвэком не столь благопристойна, как она представляется комментатору. Альвэка, бездарного стихоплета и полукретина (я имел удовольствие его

лицезреть), художник Митурич привлёк к участию в омерзительной интриге, направленной против Маяковского.

Совершенно игнорируя характеристику, данную Альвэку Асеевым, комментатор почтительно отмечает, что романс Альвэка «Утомленное солнце» пользовался «большой популярностью». У кого? Здесь нельзя не вспомнить строку из стихотворения Пастернака «Шекспир»: «Чем вам не успех популярность в бильярдной?». Небесполезно также сообщить незадачливому комментатору, что образ «Утомленного солнца» похищен Альвэком у Бальмонта <...> Комментатору, очевидно, осталось неизвестным, что «Открытое письмо Маяковскому» П. Митурича, содержащее в себе абсолютно лживые обвинения, впервые напечатано не в пасквильной брошюре Альвэка «На-хлебники Хлебникова» (1927), а в «органе» ничевоков «Собачий ящик» (1923). Вообще в позорнейшей борьбе с Маяковским Митурич не пренебрегал услугами различных околотитературных подонков. «Ничевоки», незадолго до того подвергнутые Маяковским «чистке», осмелились печатно назвать его «сволочью» <...>

Асеев вернулся в Москву (из Сибири) не в январе, а в марте 1922 г.

Сведения вдовы Асеева о том, что Хлебников жил «некоторое время» в их квартире на Мясницкой, неточны. В то время у Асеевых была одна комната, а московские адреса Хлебникова 1922 г. установлены с документальной достоверностью <...> В комментариях почему-то отсутствуют точные библиографические сведения о книге «Неизданные произведения В. Хлебникова» (1940). В опубликованной в «Лит. Наследстве» рецензии на это издание Асеев говорит, что тексты Хлебникова «тщательно проверены и подобраны любовной редакторской рукой» <...> Это не безымянное издание, а результат большой исследовательской работы, проделанной Харджиевым и Т. Грицем. Это первый критический анализ текстов Хлебникова, получивший высокую оценку и у нас, и в зарубежных странах. О тех, кто собрал и подготовил к печати большой том неизданных произведений Хлебникова (490 страниц!), комментатор не счёл нужным сообщить, в преамбуле же ограничился пренебрежительно-куцым упоминанием в примечании <...>

В журнале «Творчество» (1920) Асеев опубликовал не полный текст поэмы Хлебникова «Ви́ла и леший», а отрывок

из черновика <...> На этой странице воспроизведена запись Хлебникова на обороте каталога выставки Яна Ционглинского. С какой целью? Чтобы доказать, что Хлебников отрекся от литературных соратников?

Так как «отречение» осталось только на обложке каталога, то сей казус нужно было объяснить. Но этого не мог сделать и К. Чуковский: запись Хлебникова была опубликована в 1979 г. в альманахе «Чукоккала» с анекдотически-абсурдным комментарием владельца. Дело в том, что «Чукоккала» — не цельный Альбом, а монтаж. Чуковский клеивал в свой «альманах» и материалы, полученные от разных лиц. Каталог по-смертной выставки Ционглинского, которая состоялась не в 1915 г., а в 1914 г., попал к Чуковскому случайно.

Не могу не отметить и собственную причастность к творческой истории этого стихотворения. В заключительной строфе вторая строка первоначально читалась: Неугасима купина. Я предложил прибавить один слог («неугасимая»), и эту поправку Крученых принял.

20 августа 1983 года.

Авторизованная машинопись
[ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карг. 96].

Подводя итог, отметим важнейшую для истории отечественного литературоведения XX века роль «ЛН» в возрождении абсолютной научной ценности исторического факта. Это был новый для эпохи «авторитетного стиля» (Г. Белая) характер научно-исследовательской и публикаторской деятельности рабочего коллектива одного поколенческого и культурного круга. В то же время существование «ЛН» в условиях постоянного контроля со стороны партийных органов и цензуры — «жизнь в условиях осады», как охарактеризовал этот симбиоз один из историков «ЛН», представляет собой результат приложения различных, не всегда известных нам, политических сил, продукт личной заинтересованности, борьбы амбиций, научного сотрудничества и соперничества, — всего того, что не только сохранило «ЛН», но и очертило перспективы развития литературной науки XXI столетия.

Литература

Андроников И. Более трети века // Литературная газета. 1965. 3 августа.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: МФД: Материк, 2005.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК–ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 2002.

Галушкин А. Слишком «Новое о Маяковском» // Новая газета. 2009. 3 апреля. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/04/03/43335-slishkom-novoe-o-mayakovskom>.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 1. Ед. хр. 33, 39.

ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Ед. хр. 2565.

Горький и советские писатели: Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. И. С. Зильберштейн и Е. Б. Тагер. М.: АН СССР, 1963.

Зелинский К. Что делать, или О новой теории социальной обреченности // На литературном посту. 1931. № 2. С. 35–39.

И. З. <Илья Зильберштейн>. П. Е. Щеголев <некролог> // Огонек. 1931. 10 февраля. С. 14.

Иванов С. Еще раз о комментаторах Лермонтова // Октябрь. 1949. № 5. С. 187–191.

Кроленко А. А. Дневник за 1928 год / Предисл., публ. и коммент. И. В. Дацюк // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. ИРЛИ, 2011. URL: www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10460.

Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М.: Книжная палата, 1991.

Летопись Российской Академии наук в 4 тт. Т. 4. 1901–1943. СПб.: Наука, 2007.

Либединский Ю. «История заводов» // На литературном посту. 1931. № 27. С. 4–5.

Ломунов К. Уникальное издание (к 50-летию «Литературного наследства») // Вопросы литературы. 1981. № 12. С. 148–171.

Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 – июнь 1941 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 567–568.

Московская Д. С. О времени и о себе. Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича с Н. П. Анциферовым // Вторые московские Анцифе-

ровские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М.: ГЛМ, Три квадрата, 2014. С. 88—131.

Об ошибках действительных и ошибках выдуманных. О том, как не следует критиковать научные работы в научных журналах. Ответ т. К. Сидорову // Пролетарская революция. 1931. № 1—2. С. 194—195.

ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 25, 40.

ОР ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 124.

ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 88, 96.

От редакции // Литературное наследство. 1931. № 1. С. 2.

Отдел устной истории ИБ МГУ. № 801, 805, 871, 902, 908.

Предсмертное письмо А. А. Фадеева в ЦК КПСС. 13 мая 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 147—151.

Сталин И. О некоторых вопросах большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3—12.

Стенограмма заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР от 29 июня 1949 г. // Научный архив Тверского государственного объединенного музея (НА ТГОМ). Ф. Р-13.

Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900—1960-е годы). М.—СПб.: Нестор-История, 2015.

Bibliography

Andronikov I. Bolee treti veka [More than a Third of a Century] // Literaturnaya gazeta. 3 August, 1965.

Bolshaya tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov [Great Censorship: Writers and Journalists in the Soviet Land]. 1917—1956. Moscow: MFD: Materik, 2005.

Division of Audio Records, the Scientific Library of Moscow State University. No. 801, 805, 871, 902, 908.

Galushkin A. Slishkom 'Novoe o Mayakovskom' [*New Findings on Mayakovskiy are Too Much*] // Novaya gazeta. 3 April, 2009. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/04/03/43335-slishkom-novoe-o-mayakovskom>.

Gorky i sovetskie pisateli: Neizdannaya perepiska [Gorky and Soviet Writers: Unpublished Correspondence] / AN SSSR. In-t miro-

voy lit. im. A. M. Gor'kogo [USSR Academy of Sciences; A. M. Gorky Institute of World Literature]; ed. I. S. Zilbershtein and E. B. Tager. Moscow: AN SSSR, 1963.

I. Z. <Ilia Zilbershtein>. P. E. Shchegolev <nekrolog> [obituary] // Ogonek. 10 February, 1931. P. 14.

Ivanov S. Eshche raz o kommentatorakh Lermontova [Once Again on the Commentators of Lermontov] // Oktyabr'. 1949. Issue 5. P. 187–191.

Khalizev V. E., Kholikov A. A., Nikandrova O. V. Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody) [Russian Academic Literary Criticism: History and Methodology (1900–1960s)]. Moscow – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015.

Krolenko A. A. Dnevnik za 1928 god [Diary for 1928] / Foreword, publication and comments by I. V. Datsyuk // Instituty kulturey Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: Materialy proekta [Leningrad Art Institutes on the Brink of the 1930s: Materials for the Project]. IRLI [The Institute of Russian Literature]. 2011. URL: www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460.

Lakshin V. 'Noviy mir' vo vremena Khrushcheva [Noviy mir under Khrushchev]. Moscow: Knizhnaya palata, 1991.

Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk [The Yearbook of the Russian Academy of Sciences]. In 4 vols. Vol. 4. 1901–1943. St. Petersburg: Nauka, 2007.

Libedinsky Y. 'Istoriya zavodov' [The History of Factories] // Na literaturnom postu. 1931. Issue 27. P. 4–5.

Lomunov K. Unikalnoe izdanie (K 50-letiyu 'Literaturnogo nasledstva') [A Unique Edition (In Honour of the 50th Anniversary of the Literary Heritage)] // Voprosy literatury. 1981. Issue 12. P. 148–171.

Manuscript Department of the Institute of World Literature. F. 40. Inv. 1. Item 25.

Manuscript Department of the Institute of World Literature. F. 157. Inv. 1. Item 124.

Manuscript Department of the Institute of World Literature. F. 575. Card 88.

Mezhdru molotom i nakovalney. Soyuz sovetskikh pisateley SSSR. Dokumenty i kommentarii. Vol. 1. 1925 – June 1941 [Between the Hammer and the Anvil. USSR Union of Writers. Documents and Commentaries]. Moscow: ROSSPEN, 2001. P. 567–568.

Moskovskaya D. S. O vremeni i o sebe. Iz perepiski V. D. Bonch-Bruevicha s N. P. Antsiferovym [About the Time and about Myself.

From the Correspondence between V. D. Bonch-Bruевич and N. P. Antsiferov] // Second Moscow Antsiferov Readings. Proceedings of the International Conference Dedicated to V. D. Bonch-Bruевич's 140th Birth Anniversary: A collection of articles. Moscow: GLM, Tri kvadrata. 2014. P. 88–131.

Ob oshibkakh deystvitelnykh i oshibkakh vydumannykh. O tom, kak ne sleduet kritikovat' nauchnie raboty v nauchnykh zhurnalakh. Otvet t. K. Sidorovu [On Real and Trumped-Up Mistakes. The Wrong Way to Criticize Scientific Works in a Scientific Journal. Reply to Comrade K. Sidorov] // Proletarskaya revolyutsiya. 1931. Issues 1–2. P. 194–195.

Ot redaktsii [Editorial] // Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. 1931. Issue 1. P. 2.

Predsmertnoe pis'mo A. A. Fadeeva v TSK KPSS [A. A. Fadeev's Deathbed Letter to the Central Committee of the CPSU]. 13 May, 1956 // Izvestiya TsK KPSS. 1990. Issue 10. P. 147–151.

Stalin I. O nekotorykh voprosakh bolshevizma. Pis'mo v redaktsiyu zhurnala 'Proletarskaya revolyutsiya' [On Some Issues Concerning Bolshevism. Letter to the Editorial Board of the *Proletarskaya Revolyutsiya* Journal] // Proletarskaya revolyutsiya. 1931. Issue 6. P. 3–12.

Stenogramma zasedaniya Uchenogo Soveta Instituta Literaturny AN SSSR ot 29 iyunya 1949 g. [Shorthand Notes of Proceedings of the Academic Board, USSR Academy of Sciences Institute of Literature] // The Tver State United Museum Academic Archive. F. R-13.

The State Archive of the Russian Federation. F. 7952. Inv. 1. Item 33.

The State Archive of the Russian Federation. F. R–5325. Inv. 9. Item 2565.

Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP (b) – VKP (b), VCHK – OGPU – NKVD o kulturnoy politike [The Regime and the Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – the All-Union Communist Party (b), All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution, Sabotage, and Speculation – Joint State Political Directorate – NKVD on Cultural Policy]. 1917–1953 Moscow: MFD, 2002.

Zelinsky K. Chto delat', ili O novoy teorii sotsialnoy obrechennosti [What Shall We Do, or On a New Theory of Social Fatality] // Na literaturnom postu. 1931. Issue 2. P. 35–39.